

Рябинина Марианна Владимировна

**ФОРМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИЗОБРАЖЕНИЯ ЖЕНЩИНЫ В МАРИЙСКОЙ ПОВЕСТИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА**

В статье рассматриваются различные формы психологического изображения, используемые в марийских повестях второй половины XX века для раскрытия внутренней жизни персонажей, вытекающие из творческих задач авторов, идейного мира, жанра, конфликта произведения. Впервые в марийском литературоведении ставится проблема поэтики психологизма женского персонажа в марийской прозе.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/9-1/40.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 9 (39): в 2-х ч. Ч. I. С. 147-149. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/9-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

5. Ammon U., Bickel H., Ebner J. Variantenwörterbuch des Deutschen. Die Standardsprache in Österreich, der Schweiz und Deutschland sowie in Liechtenstein, Luxemburg, Ostbelgien und Südtirol. Berlin – N. Y.: Walter de Gruyter, 2004. 954 S.
6. Duden – Das große Wörterbuch der deutschen Sprache. 4. Aufl. Mannheim, 2012. CD-ROM.
7. Muthmann G. Doppelformen in der deutschen Sprache der Gegenwart. Studie zu den Varianten in Aussprache, Schreibung, Wortbildung und Flexion. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1994. 487 S.

PHONEMATIC VARIANCE OF GERMAN COLLOQUIAL WORDS

Russu Anna Nikolaevna

Sholokhov Moscow State University for the Humanities

arussu@yandex.ru

In the article the peculiarities of phonematic variance of a word in the modern German language are considered. By the example of German colloquial vocabulary main types of phonematic variations in root and affixal morphemes are described. Phonematic variation of a word is connected with historical phonomorphological processes of the German language development.

Key words and phrases: variance; variation; phonematic variant; root morpheme; affix; German colloquial vocabulary.

УДК 821.511.151

Филологические науки

В статье рассматриваются различные формы психологического изображения, используемые в марийских повестях второй половины XX века для раскрытия внутренней жизни персонажей, вытекающие из творческих задач авторов, идейного мира, жанра, конфликта произведения. Впервые в марийском литературоведении ставится проблема поэтики психологизма женского персонажа в марийской прозе.

Ключевые слова и фразы: марийская повесть второй половины XX века; поэтика психологизма; женский персонаж.

Рябинина Марианна Владимировна

Марийский государственный университет

mari.riabinina@yandex.ru

ФОРМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИЗОБРАЖЕНИЯ ЖЕНЩИНЫ В МАРИЙСКОЙ ПОВЕСТИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА[©]

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-04-00043.

Характерной особенностью марийской повести второй половины XX века является устойчивая тенденция к художественному постижению писателями внутреннего мира персонажа, к проникновению в глубины человеческой души, к описанию мыслей, чувств и желаний героев. Одним из главных объектов психологического изображения становится образ женщины-мари. В данной статье впервые в марийском литературоведении поднимается проблема поэтики психологизма женского персонажа в марийской прозе. Цель исследования – рассмотреть основные формы психологического изображения, используемые в марийских повестях второй половины XX века для раскрытия внутренней жизни персонажей-женщин.

В марийской литературе второй половины XX века наиболее ярко в психологическом плане раскрывались женские образы в таких повестях, как «Сар ок лий ыле гын» («Если бы не война») З. Катковой, «Вашпижмаш» («Противостояние»), «Тулык чон» («Осиротевшая душа») и «Куку муро ойган» («Печальная песня кукушки») Г. Алексева, «Ўмыр кыл» («Узы сердца») А. Александрова-Арсака и др. Марийские прозаики прибегали практически ко всем известным в литературе формам психологического изображения: прямой (познание внутренней жизни персонажа «изнутри») – И. В. Страхов), косвенной (психологический анализ «извне») и суммарно-обозначающей (называние чувств и мыслей персонажа). Выбор и сочетание их зависели не только от характера сюжета, но и от семантики и структуры персонажных типов, поставленных в центр повествования.

В центре повести З. Катковой «Если бы не война» – нравственный мир молодой женщины Лизы, вынужденной жить в условиях ожесточенной схватки с врагом. Автор исследует воздействие на ее душу жестоких испытаний военных лет.

В этом произведении наиболее востребованной оказалась прямая форма психологического изображения. Внутренняя жизнь Лизы, переливы ее настроения передаются через внутренние монологи, которые большей частью представлены в форме писем и дневников героини. В них представлены ее размышления о настоящем, прошлом и будущем. Через приемы прямого психологизма читатель узнает о том, что в ее нежном и трепетном сердце жива память о недолгих счастливых днях, молодости и не успевшей расцвести любви.

Письма Лизы к любимому человеку наполнены глубоким переживанием разлуки. Они выражают особенности женской души, готовой помочь и защитить любимого человека. Автор подчеркивает мудрость молодой женщины, испытанной и закаленной войной. Героиня З. Катковой в самые трудные минуты находит внутренние силы не только для того, чтобы превозмочь свое горе, но и чтобы помочь, защитить и спасти тех, кто нуждается в ее любви и душевной силе.

В данной повести есть и приемы изображения внутренней жизни женского персонажа в составе косвенной формы психологизма. Это главным образом пейзаж, выполняющий активную экспрессивно-психологическую функцию. Он встречается не часто, но довольно точно передает не только внешнюю атмосферу, в которой живут и действуют герои, но и особенности их духовного мира. З. Каткова в большинстве случаев обращается к параллелизму, соотнося описания природы и эмоционально-мыслительный мир героев. Например, перемена во внутренней жизни Лизы, получившей письмо от Алексея, передается через резкое изменение осенней погоды.

В повести «Если бы не война» прямое отношение к изображению внутреннего мира персонажей имеют символические природные образы. В произведении чуть ли не на правах действующего лица входит образ молодой сосны, символизирующей светлые мечты героев, их верность в любви: «Освеженная и чуточку утомленная борьбой с приливом, поднялась на скалу, где знакома каждая трещинка. Кругом насколько хватает глаз – безграничный голубой простор. И в нем, далеко внизу, порхают белоснежные чайки. Над самой пучиной, крепко уцепившись корнями за каменный бок скалы, чудом держится сосенка. Низкорослая, кривая, точно изуродованная, но живая, зеленая. Ее безжалостно треплют ветры, а она растет наперекор всему, протягивая изуродованные ветви навстречу солнцу.

Сколько раз, когда сердце сжимала безысходная тоска, я приходила сюда!

– Ну как, держишься? – спрашивала я. И во взмахах ее ветвей под напором ветра мне чудилось: – Держись! Держись!»

– Держись! Я тоже держусь, говорю я, и мне вроде бы становилось легче.

А сегодня увидела на срезе сломанной ветром и засохшей ветки молодой побег, ярко зазеленевший на фоне розоватой коры. И в моем сердце словно появился какой-то свежий молодой росток, такой же хрупкий, неокрепший. Он растет, требует простора. Как сохранить? Не повредить, не сломать...» [4, с. 37]. На протяжении всей повести эта сосенка служит для героини напоминанием о том, что, несмотря ни на какие преграды, надо жить, любить и верить в лучшее.

В повести А. Александрова-Арсака «Узы сердец» также доминирует прямая форма психологического изображения. Связанные с ней внутренние монологи и несобственно-прямая речь по своей семантике связаны с саморефлексией героини – сорокалетней замужней Полины, – с осмыслением ею своей жизни, которая проходила, как ей казалось, по одному и тому же кругу: работа – дом – работа. Причиной, подтолкнувшей ее к самоанализу и исповеди перед своей совестью, становится неожиданно нахлынувший поток чувств совсем к другому человеку – к новому заведующему фермой Мичу (в него она была влюблена когда-то в девичество). Главным, что определяло в этой ситуации ее внутреннее состояние, было осознание давно желанного, а теперь уже совсем близкого материнства. Ее мучают противоречивые чувства: с одной стороны, для нее, уже немолодой, иметь ребенка – это радость жизни («сама по себе – величайшая ценность и благо» [7, с. 184]), с другой стороны, ожидаемое событие вызывает в ней боль и муки совести.

В Полине с каждым днем нарастает душевное смятение, порожаемое жесткой саморефлексией и стремлением найти нравственную развязку. Именно об этом свидетельствует внутренний монолог героини: «Какая же я все-таки бессовестная женщина, – сказала сама себе. – Неужели снова полюбила своего Петра? С какой нежностью я на него смотрела, всю свою доброту души ему открыла. А Мичу... что это было? Что за невидимая сила меня одурманила? На данный момент мне никто не нужен. Пусть только мой муж Пётыр будет со мной. А тогда почему охолодела от мужа? Как душа моя дала слабину, потеряла контроль? Что толкнуло меня к другому? Что побудило меня на такой грех? А если Пётыр обо всем узнает... я-то ладно, потерплю. Сама виновата. А он? А почему ему такие мучения? Ой, боже! Жаль, совсем не думала о муже! Бессовестное животное...» [1, с. 25-26].

Внутренние монологи Полины оформлены в форме простых, нераспространенных предложений, которые гармонируют с характером мыслей героини – хаотичных, обрывистых, с переключением внимания, с эмоциональным «разбросом». Внутренняя речь Полины пронизана одновременно и нежностью, и экспрессией удивления, и горечью, и недовольством собой. Нагромождение таких эмоционально-мыслительных монологов придает и образу героини, и всему повествованию в целом психологическую динамику и напряженность.

Ведущее место в системе психологизма Г. Алексеева занимает суммарно-обозначающая форма психологического изображения. В повести «Печальная песня кукушки» писатель раскрывает мысли и чувства персонажа «с помощью названия, краткого обозначения тех процессов, которые протекают во внутреннем мире» [6, с. 87] (по А. П. Скафтымову, это «вербальное обозначение чувства» [Там же, с. 175]).

В центре повести Г. Алексеева – внутренняя жизнь одинокой женщины Эльвиры, не сумевшей построить свою личную жизнь на основе любви и издали наблюдающей за сыном, воспитывающимся вдалеке от нее, в детском доме. Разные чувства, сменяющие друг друга, буквально «давят» ее и создают внутреннее напряжение ее жизни. Автор описывает их, обращаясь к рефлексивным составляющим человеческого существа, выражающим чувства и переживания, – к сердцу («маленькое заячье сердце сжалось, на миг перестало биться» [2, с. 136]), телу («тело ее тонкое, как струны гуслей, словно завяло, сломалось» [Там же]), ногам

(«суставы ног, словно сквозь землю, провалились, сидит, застыв, в одном месте» [Там же]). Или чувства называются прямо, тем самым повествование насыщается множеством собственно психологических деталей. Например, писатель так передает чувство радости и душевного подъема героини: «душа словно растаяла, по всему телу прошло какое-то радостное настроение, зажглись нежные-нежные, легкие волны любви, дошли до мозгов, добрались до каждой клетки» [Там же, с. 146].

Героиня повести «Печальная песня кукушки» запечатлена автором в преддверии каких-то важных душевных перемен, писатель передает психологическое напряжение внутреннего «поединка». И каждый раз он обращается к собственно психологическим деталям. Часто они используются автором в сочетании с «внутренними жестами» (приемом косвенной формы психологического изображения, сближенным по семантике и форме с деталями динамического психологического портрета). Следует отметить, что «внутренние жесты», увлечение разными типами психологических деталей, их параллельное использование – характерное явление творческой манеры Г. Алексеева в его психологической прозе конца XX века. Писатель именно «с помощью психологических деталей передает динамику внутренней жизни героев», а также «внутреннюю траекторию героя-повествователя» [5, с. 63].

Сочетая разные виды деталей, в повести «Печальная песня кукушки» он раскрывает состояние одновременной взволнованности, растерянности и бурлескного отчаяния Эльвиры: «начала громко хохотать, голос ее разлился по всему двору, резко стала бить себя по бедрам; как неожиданно все это началось, так и успокоилось, но она вдруг издала какой-то звук, похожий на визг, потихоньку заревела, рев усиливался, дыхание участилось» [2, с. 146].

Анализ приемов создания женских персонажей позволяет говорить о том, что в марийской повести заметно «повышается удельный вес психологического изображения», «раскрытие внутренних процессов делается необходимым для осмысления характера», психологизм превращается в «свойство стиля художественного произведения» [3, с. 16].

Итак, благодаря использованию различных форм психологического изображения (прямая, косвенная, суммарно-обозначающая) и соотносимых с ними приемов психологизма (внутренний монолог, несобственно-прямая речь, пейзаж в психологической функции, собственно-психологические детали, «внутренние жесты»), обогащению за счет них художественной структуры повестей происходит глубокое смысловое насыщение образов женских персонажей. Авторы повестей раскрывают особенности душевного мира героев, передают богатство, сложность и противоречивость их интеллектуально-эмоциональной жизни, ее динамику, рождение новых мыслей и настроений.

Список литературы

1. **Александров А. А.** Ёмыр кыл: повесть ден ойлымаш-влак. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1989. 224 с.
2. **Алексеев Г. В.** Погонан рвезылык: повесть ден ойлымаш-влак. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1989. 208 с.
3. **Есин А. Б.** Психологизм русской классической литературы: книга для учителя. М.: Просвещение, 1988. 176 с.
4. **Каткова З.** Если бы не война. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1976. 112 с.
5. **Кудрявцева Р. А.** Художественная деталь как прием психологизации повествования в марийском рассказе конца XX века (на примере рассказа Геннадия Алексеева «Жаркий день») // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2009. № 5 (143). Вып. 29. С. 61-66.
6. **Скафтымов А. П.** Нравственные искания русских писателей: статьи и исследования о русских классиках. М.: Худож. лит-ра, 1972. 544 с.
7. **Фидарова Р. Я., Кайтова И. А.** Особенности художественного характера в осетинском романе-мифе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 5 (35). Ч. I. С. 182-184.

THE FORMS OF PSYCHOLOGICAL REPRESENTATION OF A WOMAN IN THE MARI STORY OF THE SECOND HALF OF THE XX CENTURY

Ryabinina Marianna Vladimirovna
Mari State University
mari.riabinina@yandex.ru

The article examines various forms of psychological representation used in the Mari stories of the second half of the XX century for revealing the internal life of the personages and being the result of authors' creative tasks, idea world and the conflict of a work. For the first time in the Mari literary criticism the paper raises a problem of poetics of psychologism of a female personage in the Mari prose.

Key words and phrases: Mari story of the second half of the XX century; poetics of psychologism; female personage.